

Т.Р. Петрат

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ТВОРЧЕСТВА Л.С. ПЕТРУШЕВСКОЙ

Долгое время Людмилу Петрушевскую знали как журнального прозаика и автора тонких книжек рассказов. Между тем Л.С.Петрушевская демонстрирует умение работать почти во всех жанрах: пьесы, повести, рассказы, сказки, роман и даже поэтические столбцы (лучшее тому подтверждение - вышедшее недавно собрание сочинений) Ее творчество вызывает постоянный интерес у критиков, которые зачастую имеют о нем прямо противоположные мнения [7 и 12; 3 и 8; 1 и 4].

Неоднозначность оценки осложняется невозможностью с достаточной определенностью провести творчество Л.С.Петрушевской по одному из «ведомств» литературы: «чернуха», «критический реализм», «другая» литература (постмодернизм). Некоторые критики прослеживают эволюцию от 1970-х к 1990-м годам, от первых рассказов и пьес до «Карамзина» и «Диких животных сказок».

Основная тема рассказов Л.С.Петрушевской - «проза жизни», лишенная духовных начал и радости. При этом писательница особое внимание уделяет отчуждению между людьми, бездушию и жестокости в человеческих взаимоотношениях, пишет «о самом простом, без всякой экзотики, о том, что творится повседневно и ежечасно - и при этом безысходно и страшно» [7, с. 186], обладает «редким умением обнажить ужас повседневного бытия» [12, с. 192].

Эти особенности взгляда Л.С.Петрушевской на действительность дают возможность некоторым критикам [3;6;11;12] называть ее поэтом «чернухи», обвинять в нелюбви к человеку и в переизбытке грязи в творческой манере.

Л. Костюков отказывает Л.С. Петрушевской в гуманизме, традиционно присущем русской литературе: «Петрушевская скрупулезно описала бы геморрой Башмачкина, порассуждала бы о рыхлости его десен, отыскала запачканное белье... Движимая как бы состраданием - но отчетливо против воли героя. Большая из последних сил притягивает одеяло к подбородку. Санитарка срывает его - смотрите! Хотела того Петрушевская или нет, санитарка - автопортрет» [3, с. 4].

Эту же мысль развивает Е. Щеглова и Т. Морозова. «Чернушная» правда настолько перевешивает правду человеческую, что человек как личность, как «гомо сапиенс», вовсе исчез, растворился в ней» [12, с. 195]. «Отчего же именно Петрушевская достигла такой концентрации всепоглощающего черного цвета? Возможно дело не в том, что видеть, а как смотреть? <...> Волшебница, которая не любит людей. Как называет таких волшебниц русский фольклор, мы прекрасно знаем. Правильно - Людмила Петрушевская» [6, с. 10].

Нелюбовь и мрачный взгляд на действительность и людей, по мнению О. Славниковой, настолько сильны, что даже роман, в котором главная героиня и не человек вовсе, а его подобие - кукла Барби - лишь «выявил дополнительные оттенки черного в творческой палитре, столь щедрой именно на этот ночной и земляной, густо замешанный цвет» [11, с. 195].

М. Ремизова мнение о Л.С.Петрушевской как о певце «чернухи», называет «устойчивым заблуждением», правда «нельзя сказать, чтобы сама Петрушевская не давала к тому совсем никакого повода. Мир Петрушевской - это действительно во многих смыслах «изнаночный» мир, болезненный и угрюмый, не прикрашенный благородными чувствами и красивыми порывами души. Если вы решитесь довериться Петрушевской, она безжалостно сорвет перед вами занавесу над самыми грязными и гнусными сторонами человеческого существования, покажет вам боль, неизлечимую болезнь, безнадежное одиночество, безверие, тоску, тупое безволие, смерть. Вам будет страшно» [8, с.4].

Инна Прусакова согласна с Татьяной Морозовой, что «дело не в том, что видеть, а как смотреть», но только выводы из этого делает другие: «многие сразу сочли Петрушевскую мизантропом. А это всего лишь - острота восприятия. <...> Наводка на резкость у Петрушевской такова, что у кого-то она вызывает отталкивание. <...> Кому-то поэтому метод Петрушевской представляется заурядной чернухой, а материал - едва ли не документальным. <...> Нет тут никакого очернения, есть - сгущение на одном клочке пространства таких заурядных неудач, таких низменных - или попросту прозаических - проблем, таких примелькавшихся характеров» [7, с. 187-188].

М. Ремизова, полемизируя с Л. Костюковым, утверждает, что именно в «жестокости» Л.С.Петрушевской и состоит великий гуманизм, «именно санитарка, срывающая одеяло, перестелет постель и вымоет, хотя и с руганью, столь жалкую нам старушку - пока мы будем воротить нос и рассуждать о высоком. <...> Более того, как не покажется это парадоксально, она следует наиболее гуманистической традиции русской литературы, органично вставая в один ряд вышедших из гоголевской «Шинели» [8, с.4].

Продолжателем традиций классической русской литературы называет Л.С. Петрушевскую и Мария Васильева. По ее мнению, истоки творчества Людмилы Петрушевской - в русской литературе XIX века, писательница ведет свою историю от гоголевского человека «средней» руки: «Даже ее завораживающие

бытовые мелочи - тоже вышли из гоголевских «тараканов, похожих на чернослив» [1, с.208]. «Однако, - тут же замечает М. Васильева - и проза, и драматургия Петрушевской, имея традиционные, классические истоки, наметили в литературе свой путь, все больше уходя «в отрыв», подтверждая полную самостоятельность автора» [1, с.208].

И этот «отрыв» от русской классики М. Васильева видит в отношении к злу, которое в творчестве Петрушевской становится «нормальным». «Обыденное зло - общий знаменатель недочеловечества - стало определяющим» [1, с.209]; но окончательно уйти в «другую» литературу Л.С. Петрушевской мешает «духовное строительство, от которого абсолютно свободен постмодернизм» [1, с.214].

В итоге, М. Васильева причисляет Л.С. Петрушевскую к «критическому реализму» «натуральной школы» конца XX века, так как, несмотря на «путь зла», который привел Петрушевскую к бесконечности и многочисленности мрачных примеров из жизни, уводивших от «метафизической гоголевской глубины», «все опять вернулось к сомнительному и безблагодатному поиску «положительного героя» [1, с.212-214].

И. Прусакова, вслед за М. Ремизовой и М. Васильевой, истоки творчества Людмилы Петрушевской видит в русской классической литературе: «Не другая это литература, а та самая, та, из которой все вышли, та, где шинель была и прочие корневые вещи. <...> Но отличие Петрушевской в том, что она не предлагает своих рецептов - никаких» [7, с. 191].

Главной чертой творчества Л.С. Петрушевской М. Липовецкий называет литературность: «Петрушевская, оказывается, исключительно литературна. Когда читаешь повести и рассказы в новом - самом полном - сборнике ее прозы, эта черта бросается в глаза. Даже в названиях постоянно звучат сигналы литературности, скрытой как будто за сугубой «физиологичностью» и «натурализмом»: «Али -Баба», «История Клариссы», «Бал последнего человека», «Случай Богородицы», «Песни восточных славян», «Медея», «Новые Робинзоны», «Новый Гулливер», «Бог Посейдон»...» [5, с.229]. Именно благодаря всем отсылкам к мотивам русской и мировой культуры «чернухе возвращается значение высокой трагедии» [5, с.232]. Причем М. Липовецкий оговаривает, что Л.С. Петрушевская «не бросает отсылки всуе, она с ними работает» [5, с.229]. Другими словами, речь идет об осознанной вторичности текста (интертекстуальности) - одной из основных черт постмодернизма.

М. Липовецкий выстраивает целую концепцию, объясняющую основные черты поэтики Л.С. Петрушевской. Так, обращение писательницы к той части городского фольклора, которая называется «страшными историями», «страшилками», он объясняет глубинным тяготением Л.С. Петрушевской к мифологическому пласту. Эта особенность поэтики приводит к тому, что у Людмилы Петрушевской практически нет характеров. Это означает антипсихологичность ее прозы. «Индивидуальность, «диалектика души», все прочие атрибуты реалистического психологизма у Петрушевской полностью замещены одним - роком. Человек у нее полностью равен своей судьбе, которая в свою очередь вмещает в себя какую-то крайне важную грань всеобщей - и не исторической, а именно что вечной, изначальной судьбы человечества» [5, с.230]. При этом судьба каждого из героев всегда четко отнесена к определенному архетипу (сирота, безвинная жертва, убийца, суженый, суженая и т.д.).

Поскольку характеров нет, то естественно, что основное внимание уделяется событиям, причем таким, в которых рассматривается порог между жизнью и смертью. Такую пороговость ситуаций у Л.С. Петрушевской отмечает Е. Канчуков: «... главный интерес писательницы - не характеры, а ситуации. Ее занимает не человек сам по себе, а контакт человека с жизнью. И даже не весь контакт в полном спектре, а лишь та его часть, которая приводит к аннигиляции - к выжиганию места соприкосновения» [2, с.29].

М. Липовецкий, в свою очередь, делает вывод, что поэтика Л.С. Петрушевской - «правильная трагедия», которая учит воспринимать жизнь как «вечный, природный цикл, очерченный в мифологических архетипах» [5, с.231], как трагедию, исход которой и возможный катарсис заключаются в «зависимой ответственности» за того, кто слабее, кому хуже.

О предрешенности судеб героев у Л.С. Петрушевской, о роке, который тяготеет над ними, пишет и Инна Прусакова: «У Чехова люди сидели за столом и говорили о пустяках, а в это время за сценой решались их судьбы. Судьбы персонажей Петрушевской решены еще до начала действия, и все их мельтешение по сцене - напрасно» [7, с. 191]. Но, в отличие от М. Липовецкого, И. Прусакова не видит выхода из ситуации трагедии путем очищения: «Катарсиса не будет. Время ночь!» [7, с. 191].

Е. Щеглова так же, как М. Липовецкий, И. Прусакова и Е. Канчуков, отмечает в творчестве Л.С.Петрушевской отсутствие характеров, установку на изображение обстоятельств и реакцию на мир («пороговые» ситуации), представленный «в виде гипернатуралистических подробностей и деталей», с помощью которых «маскируется, по существу, отсутствие в ее прозе живых лиц» [12, с. 193-196]. Отмеченную М. Липовецким литературность, Е. Щеглова считает уловкой, призванной укоренить с помощью известных читательских ассоциаций максимально возможную жизненность, точнее, жизнеподобие героев [12, с. 197].

Совсем иначе антипсихологизм персонажей Л.С. Петрушевской объясняет О. Лебедушкина. Она считает, что все дело в них, в особых «неописуемых» героях писательницы, для понимания которых

«необходимо нарушить некую границу человека - нанести травму». «Иллюзия понимания» не что иное, как преступление против друг друга. «Понимание... - это и есть *преступление*, переход границ...» [4, с.203]. Психология оказывается, по мысли О.Лебедушкиной, «карательным методом отношения к жизни» [4, с.205], очередным заблуждением и ложным толкованием. В такой трактовке «антипсихологизм» Л.С. Петрушевской представляется творческой удачей.

Еще одна черта творчества Л.С. Петрушевской, вызывающая противоречивые оценки критиков, - это «воссоздание живой разговорной речи». Одни оценивают эту черту негативно («Стиль Петрушевской (говоря стилем Петрушевской) - как бы неумелое письмо, неумело маскирующее действительное неумение писать» [3, с.4]), другие - позитивно, как мастерство «двойной» цитаты: «С одной стороны, каждый рассказ изначально представляет собой якобы цитату, «часть речи», записанную как бы с голоса, - таков «договор автора с читателем. С другой - мифопоэтические корни этой прозы сами по себе провоцируют бесконечное нанизывание цитат, которое происходит в сознании читателя уже без ведома автора» [4, с.206]. М. Секерина полагает, что «непрофессиональное» повествование, ориентация на разговорную речь берут свое начало из сказовых форм [9]. И. Скоропанова считает язык главным средством характеристики персонажей, «язык, обладающий свойством «магнитофонного эффекта», воссоздающий особенности живой разговорной речи современников, выявляющий характерные черты их душевного склада, но повернутый своей комедийной стороной, иногда абсурдизируемый» [10, с.411].

На основании анализа критических работ можно выделить следующие черты творческой манеры Л.С. Петрушевской: «магнитофонный эффект» языка, разговорность, «непрофессиональное» повествование; отсутствие характеров или сведение их к архетипическим, к характерам-схемам; антипсихологичность; повышенное внимание к событиям; литературность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева М. Так сложилось // Дружба народов. - 1998. - № 4. - С. 208-217.
2. Канчуков Е. Людмила Петрушевская. Песни восточных славян: Московские случаи; Реквиемы: Новеллы // Лит. обозрение. -1991.-№ 7.- С. 29-30.
3. Костюков Л. Исключительная мера //Лит. газ. -1996. -№ 11. -С.4.
4. Лебедушкина О. Книга царств и возможностей // Дружба народов. - 1998. - № 4 - С. 199-207.
5. 5. - - Чиповецкий М. Трагедия и мало ли что еще: Людмила Петрушевская. По дороге бога Эроса. М., 1993. // Новый мир.-1994.-№10.-С. 229-232.
6. Морозова Т. Скелеты из соседнего подъезда: Почему Людмила Петрушевская так не любит своих героев // Лит. газ.-1998.-№36.-С. 10.
7. Прусакова И. Погружение во тьму//Нева.-1995,-№8.-С. 186-191.
8. Ремизова М. Теория катастроф // Лит. газ. - № 11. - С. 4.
9. Секерина М. Субъективизация времени в перволичных рассказах Л.С. Петрушевской // Материалы международного съезда русистов в Красноярске (1-4 октября 1997 года): В 2 т.- Красноярск, 1997. - Т. 2. - С. 123-125.
10. Скоропанова И. Русская постмодернистская литература: Учеб. пособие. -М., 1999. -608 с.
11. Славникова О. Людмила Петрушевская играет в куклы//Урал.- 1996.-№5-6.-С.195-196.
12. Щеглова Е. Во тьму-или в никуда?//Нева.-1995,-№8.-С. 191-197.